

Ци Ю хотел рассмеяться, но сдержался, прищурился и нарочно напугал его:

— Одинокий мужчина и одинокий мужчина наедине в одной комнате. Разве не очевидно, что я хочу сделать?

Чэн Тянь стоял полностью обнажённым, держась с невозмутимым видом выше шеи, но при этом на цыпочках прятал нижнюю часть тела за матовой стеклянной дверью:

— Ты, блядь, только об этом и думаешь, да? Ладно, давай, попробуй. Если боюсь — считай, что я проиграл.

Ци Ю медленно приблизился:

— Ты сам это сказал.

Чэн Тянь усмехнулся, вытащил с полки большую бутылку геля для душа и перехватил её в руке:

— Да, я сказал.

Ци Ю сделал вид, что ничего не замечает, подошёл ближе, провёл пальцем по глазу Чэн Тяня, убирая маленький кусочек пены, затем раздвинул ему веки и осмотрел.

— Глаз покраснел, иди промой.

Чэн Тянь почувствовал, что его мозг вот-вот закипит, и начал заикаться:

— Если драться, так драться, зачем ты вдруг стал таким мягкотелым...

— У тебя паранойя, да? — Ци Ю протянул руку в щель двери и шлёпнул Чэн Тяня по пояснице, звук получился звонким. — Или ты считаешь, что твоя привлекательность безгранична?

Чэн Тянь, будучи ещё слишком неопытным, испугался и отступил назад, подняв бутылку с гелем, чтобы ударить. Но Ци Ю был быстрее, он первым захлопнул стеклянную дверь:

— У двери оставил тебе чистую одежду, надень после душа. Твоя вонь может убить двух коров.

— А? — Чэн Тянь вытер капли воды с лица. — Ты принёс мне одежду?

— Разочарован? — Ци Ю улыбнулся и вышел, его голос звучал легко, как мартовский ветерок.

— Не спеши, в следующий раз ещё поиграем.

...Чёрт, он больной.

Чэн Тянь с трудом сдерживал сарказм, включил душ и быстро смыл пену, затем вышел.

Два предмета одежды висели на шампанских рогах на стене рядом с дверью: белый свитер и светло-золотые бархатные брюки, вероятно, принадлежащие Ци Ю. Рукава были широкими, но сойдёт, а вот брюки оказались слишком длинными. Чэн Тянь натянул их и мгновенно превратился в швабру, вынужден был несколько раз закатать штанины. Одевшись, он посмотрел в зеркало и увидел, что если надеть соломенную шляпу, то можно идти сажать рис.

Чэн Тянь высушил волосы, открыл дверь, и у его ног покатилося что-то мягкое. Он испугался и отпрянул, посмотрев вниз, увидел серебристого шиншиллу. Тот, заметив взгляд Чэн Тяня,

повалился на ковёр, обнажив белое брюшко, и мяукнул тоненьким голоском.

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!

Так мило!!!

Чэн Тянь в душе закричал от восторга, присел и осторожно погладил кота по животику. Мягкая шерсть просачивалась сквозь пальцы, а ладонь ощущала тепло.

— Вау, он не боится незнакомцев?

Ци Ю, закончив телефонный разговор, ответил:

— Возможно. Я присматриваю за ним для друга, сам с ним особо не общался.

Ци Ю, оказывается, не гладил такого милого кота, это просто расточительство. Чэн Тянь осторожно взял шиншиллу на руки, и тот не сопротивлялся, а мягко терся головой о его грудь.

Чэн Тянь широко улыбнулся, смотря на кота и не желая моргать. Он с детства любил кошек, но ему никогда не везло. Дома у них был однажды египетский кот по имени Пипи, но тот оказался диким и не давался в руки. В детстве он ещё как-то держался дома, но, повзрослев, ушёл в мир и больше не вернулся. Однажды по дороге из школы Чэн Тянь встретил Пипи: тот был грязный и сидел на маленькой кошке, продолжая род. Чэн Тянь, будучи ещё ребёнком и увидев, как та кошка кричит от боли, попытался оттащить Пипи, но оба кота оставили на нём кровавые царапины. Чэн Тянь плакал всю дорогу домой, напугав маму, и с тех пор в их доме больше не было животных.

Чэн Тянь прожил больше десяти лет без кошек, и впервые встретил такого ласкового и дружелюбного кота, которого не хотелось отпускать. Он с удовольствием гладил его, пока Ци Ю разговаривал по телефону.

— Лю, принеси что-нибудь поесть, тут на улице Линъюань.

Хэй Лю, услышав адрес, застрял на слове «ладно»:

— Ци-гэ, там на Линъюань дорога перекрыта. Снегопад вызвал несколько аварий. Посмотри, может, есть доставка поблизости.

Ци Ю выругался, он даже когда злится, любит улыбаться:

— Раньше заказал в одном месте, этот тип только что позвонил, сказал, что машина разрядилась, теперь толкает её по улице в поисках зарядки, спрашивает, могу ли я подождать.

Хэй Лю тоже выругался:

— Ждать его, блядь, что ли? Если все так безответственно, как экономика страны будет развиваться, как народ будет стремиться к процветанию?

— Ты слишком много на себя берёшь, ладно, всё. — Ци Ю повесил трубку, достал пачку сигарет. — Пойди в левую комнату, найди что-нибудь, что можно надеть, пойдём поедим.

Чэн Тянь сомневающе спросил:

— Ты обычно как ешь, заказываешь?

— Два дня назад тут была повариха. — Ци Ю небрежно закурил. — Уволилась, дочь только что родила, срочно уехала ухаживать.

Чэн Тянь, лаская шею кота, улыбнулся с добротой:

— И ты теперь как голодный птенец?

Ци Ю замер с сигаретой во рту:

— ...

Чэн Тянь цокнул языком:

— В таком возрасте, а сам еду приготовить не можешь.

Ци Ю напрягся, на виске выступила вена:

— Заткнись.

Чэн Тянь вздохнул:

— Бедняжка~

Ци Ю сделал вид, что собирается расстегнуть ремень, Чэн Тянь мгновенно вскочил, держа кота, и побежал в сторону кухни:

— Эй, не горячись! Я приготовлю, ладно? Не то чтобы я хвастаюсь, но у меня действительно хорошо получается, не надо идти куда-то есть.

Кот свернулся клубком и мирно улёгся под столом, притворяясь спящим. Чэн Тянь вымыл руки и открыл холодильник на кухне. Различные свежие продукты были аккуратно упакованы в пищевую плёнку и расставлены по полкам. Бывшая домработница была очень внимательна, почти на каждой упаковке она маркером написала срок годности, боясь, что Ци Ю, этот дурак, отравится.

Чэн Тянь мысленно оценил ситуацию, выбрал несколько продуктов, срок годности которых истекал, и решил приготовить три блюда и суп.

Говяжью грудинку вымыл, нарезал кубиками, на помидорах сделал крестообразные надрезы, окунул в кипяток, чтобы снять кожицу. Северных креветок разморозил, очистил от панциря и удалил кишечную жилку. Чэн Тянь, словно изящный мясник, быстро наполнил стеклянную миску мягкими и сочными креветками.

Ци Ю сидел в соседней столовой, рассеянно играя с котом пальцами ног. Кот легко поддавался на провокацию, ловко хватал лапами и лизал.

Ци Ю убрал ногу, ткнул кота в живот:

— Ты дурак.

Кот замахал лапами, крепко схватил ногу и продолжил лизать.

Чэн Тянь обернулся и увидел, как кот унижается:

— Хватит лизать. — Руки были в муке, поэтому он не мог взять кота, лишь легонько подтолкнул его ногой. — Иди сюда, я приготовлю тебе креветок, ладно?

Кот неохотно мяукнул, успев лизнуть ещё несколько раз перед тем, как его отогнали.

Ци Ю рассмеялся:

— Солёный вкус, ты подсел.

Его описание было настолько ярким, что Чэн Тянь почувствовал, будто сам лизал, и повёл кота на кухню:

— Ты токсичен.

Ци Ю последовал за ним:

— Что готовишь, так вкусно пахнет.

— Корейская запеканка с пятью слоями мяса, кальмаром и сыром. — Чэн Тянь обвалял устрицы в муке и по очереди опустил в кипящее масло, затем вытащил их в плетёную корзинку, золотистые и ароматные.

Ци Ю невольно уставился на Чэн Тяня. Белая одежда ему очень шла, делая его мягким и свежим. Штанины были смешно закатаны, обнажая тонкие лодыжки, которые выглядели особенно трогательно.

Ци Ю стоял позади него, как какой-то извращенец, и вдыхал аромат:

— Какими духами ты пользуешься?

— Никакими. — Чэн Тянь, ничего не замечая, ловко чистил рыбу. — Я такой бедняга, что мне приходится раздавать листовки, мне не до таких изысков.

— Так плохо? — Ци Ю усмехнулся, ущипнул его за шею.

Чэн Тянь резко дёрнулся вправо, уклоняясь:

— Не приставай.

Это движение усилило запах детской присыпки с лёгким оттенком лимона. Ци Ю сглотнул, положил подбородок на левое плечо Чэн Тяня и почти нежно произнёс:

— Будь со мной. Чем бы всё ни закончилось, я обещаю, что ты не в ущербе.

Чэн Тянь закрыл глаза, сдерживая гнев:

— Пошёл вон.

Ци Ю не сдавался:

— Не спеши отказываться, подумай ещё...